

БОЕВЫМИ ТЕМПАМИ
РЕАЛИЗУЕМ ЗАЕМ
ПЕРВОГО ГОДА
ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ!

КОНТРОЛЬНАЯ
ЦИФРА ПИСАТЕЛЕЙ
300.000

В Мосгоркоме писателей и в издательствах развернута кампания по подписке на новый заем.
15 мая к 4 часам дня по Мосгоркому писателей (группы писателей, группы драматургов, аппарат горкома, группом художественного радиовещания) подписались на заем 451 человек (около 50 проц. объединяемых Горкомом) на сумму 175.000 рублей. Контрольная же цифра по Мосгоркому — 300.000 рублей.

По всем группам издательства и литорганizations, входящих в горком, ведется подписка на заем среди писателей.
Н. ПОГОДИН подписался на 6.000 рублей.
А. АФИНОГЕНОВ подписался на 3.000 рублей.
В. ВИШНЕВСКИЙ подписался на 2.000 рублей и вызвал: А. Афиногенова, Н. Погодина, В. Кириченко, Н. Зархи, Б. Ромашова, А. Файко, Л. Славина, Прута.
А. ФАДЕЕВ, В. ИВАНОВ, В. КАТАЕВ, молодой писатель К. ШАРОВ, дают государству по 2.000 р. каждый.
Т. РЖЕШЕВСКИЙ (сценарист) подписался на 2.500 рублей.
В. ЛИДИН и Л. ЛЕОНОВ — по 1.750 рублей.
П. ПАВЛЕНКО и В. ШКЛОВСКИЙ — по 1.500 руб.
А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ, БЕЛА ИЛЛЕШ, АРГО, И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ, Н. ФАДЕЕВ — подписались на 6.000 рублей (по 1.200 р. каждый).
Ю. ОЛЕША, В. ЛУГОВСКОЙ, М. ШАГИНИН, Г. НИКИФОРОВ, БИЛЬД-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, С. ГОРОДЕЦКИЙ, Л. СЛАВИН — по 1.000 руб. каждый. С. ЛЕВМАН подписался на 1.100 рублей.

Подписка на заем в аппаратах издательства художественной литературы проходит оживленно. В издательствах (ГИХЛ, МТП, «Советская литература», «Молодая гвардия») — стопроцентный охват подпиской работников аппарата.
На первом месте — издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». Здесь подписка продолжается 3,5 ЧАСА. В течение первого же дня подписались на 47.620 руб. при месячной фонде зарплат в 35.100 руб. (135%).
«Молодая гвардия» проводила подписку путем соревнования с редакцией «Комсомольской правды», которая довела подписку до 159 проц. Вокруг кампании была развернута массовая работа. В «Молодой гвардии» и в ГИХЛ были выпущены специальные номера стенгазет, посвященные займу. План подписки в ГИХЛ выполнен на 103 проц.

Мосгорком выделил 60 писателей для участия в кампании на московских фабриках и заводах. Писатели прикреплены к цехам, выступают с докладами о займе, с чуткой художественных произведений на его займе, участвуют в многотиражках. Писатели готовят для клубов и театров интермедии, частушки, инсценировки, посвященные займу.

Сотрудники Оргкомитета СП СССР подписались на заем «первого года второй пятилетки». Подписала два 18.000 руб., что составляет 112 процентов фонда месячной зарплат.

РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКВЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

А. Андросян
Секретарь Октябрьского райкома ВКП(б)

О ДВУХ ПЬЕСАХ Н. ПОГОДИНА*

Хочу остановиться на двух пьесах одного и того же автора, из которых одна мне понравилась едва ли не больше всех виденных в этом году, а другая несмотря на общее ее признание меня не удовлетворила. Я имею в виду две пьесы Н. Погодина: «Снег» в театре революции. Не знаю, кто, собственно, виноват в ошибках спектакля «Мой друг», автор пьесы или театр, но те недостатки, которые доходят до зрителя, оставляют его неудовлетворенным, вызывая подчас раздражение, подчас недоумение.
Основной недостаток «Моего друга» — это ошибочный, на мой взгляд, по замыслу автора, производя впечатление расклевывания, дуловатого, наивного человека, которому я не доверяю, как руководителю большой стройки. Его помощник — тоже партийно-выдвиженец — просто темная личность, карьерист, провокатор, двурушник, предательски забывающий об интересах предприятия в погоне за личными выгодами. Такого человека Гай как руководитель стройки и как члена партии не должен терпеть и часу, а он только и делает, что прощает его. Секретарь ячейки — круглый дурак, если не вредитель, безграмотный человек, которому надлежит

* Давая место высказыванию тов. Андросяна, выступающего со своей точки зрения на «Моего друга», редакция отмечает, что считает правильной ту оценку «Моего друга», которая была дана в статьях Чарного и Юзовского, напечатанных в «Литературной газете» 17 и 11/IV — 33 г. № 56 от 11/ХII-32 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**
ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР.
№ 23 (251) 17 мая 1933 ГОДА. ЦЕНА 20 К.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
З. Багричного, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевича.

ПРИЕЗЖАЕТ МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Справа—налево: тт. Сталин, Каганович, Горький, Ворошилов, Енукидзе

По полученным из Одессы сведениям, возвращающийся в Москву Максим Горький приедет на днях в Одессу через Стамбул. Прибытие М. Горького в Одессу ожидается 17 мая. Партийные, комсомольские, профессиональные организации и рабочие предприятия Одессы готовятся к торжественной встрече любимого писателя. Для встречи М. Горького создан общественный комитет. Оргкомитет союза советских писателей СССР выделит делегацию писателей для встречи Максима Горького. В состав делегации включены писатели: Вс. Иванов, Л. Леонов, П. Павленко и Ф. Панферов.

Совнаркомом и всем народам СССР!
ТЕЛЕГРАММА КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ПО ПОВОДУ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИИ
МЕЖДУ КИТАЕМ И СССР

Между СССР и Китаем восстановлены дипломатические отношения! Мы уверены в том, что в настоящее время дружба между народами обеих стран будет еще больше укрепляться. Уже год прошел с тех пор, как японский империализм вооруженными силами захватил нашу Манчжурию. Все державы и Лига наций всегда защищали Японию; больше того, они за кулисами обсуждают план раздела Китая и их общего контроля над Китаем. Китайский народ уже ясно видит подлинное лицо международного империализма и в то же время еще яснее видит мирную политику советского правительства. ТОЛЬКО СССР ЯВЛЯЕТСЯ ИСКРЕННИМ ДРУГОМ УПРЕЖДЕННОГО НАРОДА! Восстановление дипломатических отношений между Китаем и СССР вызвано горячим желанием народных масс Китая.
Мы горячо приветствуем трудящиеся массы СССР, которые строят социализм, осуществляют высшую идею человечества. Народ нашей страны уже знает, что СССР ЯВЛЯЕТСЯ СТРАНОЙ МИРА И СЧАСТЬЯ. МЫ, РАБОТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ, ВОСХИЩАЕМСЯ УСИЛИЕМ И ДОСТИЖЕНИЕМ СОВЕТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ РАБОТНИКОВ В ДЕЛЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЖЕ ПРИХОДИТ К ПОЛНОМУ УПАДКУ, СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СССР ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЛИ-

КИМ ДЕЛОМ. НЕБЫВАЛЫМ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. МЫ РЕШИТЕЛЬНО ПРОТИВ ВСЯКИХ ПОПЫТОК СРЫВА ЭТОГО ВЕЛИКОГО ДЕЛА! И мы убеждены в том, что долгие веками угнетаемый и эксплуатируемый империалистической культурой народ Китая нуждается в примере новой мирной и творческой культуры Советского союза для своего усиления.
Итак, в момент торжества все большего и большего укрепления дружбы между народами Китая и СССР мы, работники литературы и культуры, горячо желаем, чтобы писатели и все работники культуры Китая и СССР шли рука об руку на фронте антимпериалистической культуры. 57 ПОДПИСЕЙ.

Д. Карпов
Секретарь Фрунзэнского райкома ВКП(б)

„МОЙ ДРУГ“ ЗАРАЖАЕТ ЗРИТЕЛЯ
ПАФОСОМ СТРОИЩИ

Истекший год после апрельского постановления ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций показывает рост советской художественной литературы. Это мы видим на примере ряда книг, вышедших из печати, как «Поднятая целина» Шолохова, «Луисима» и «Бегство» Новикова-Прибоя и др. Все эти книги чрезвычайно актуальны, написаны популярно и понятны широким массам читателей.
К сожалению, современная художественная книга — редкий гость в колхозных библиотеках, избачных читальнях. Книга слабо доходит до деревни. Я недавно был в Сергачинском районе. Там очень мало современных художественных литературы, и конечно, нет такой нужной книги, как «Поднятая целина». Это большое упущение наших книготорговых организаций.
Несомненно, растет и наша драматургия. Такие пьесы, как «Егор Булычег и другие» Максима Горького, «Мой друг» Погодина, «Интервенция» Славина, являются значительным вкладом в советскую драматургию.
Остановлюсь подробно на «Моем друге» Погодина. Эта пьеса показывает пафос социалистического строительства, отвечает на постановление ЦК партии об освоении техники.
Я беседовал со многими рабочими заводов и фабрик об этой пьесе. Они говорят о весьма положительном впечатлении, которое на них произвел «Мой друг», и выражают желание еще раз посмотреть пьесу. Скажу о самом себе — я два раза смотрел пьесу и собираюсь еще раз пойти на «Моего друга».
В чем дело? Почему пьеса вызвала такой успех и интерес? Она написана правдиво, не замаскирует трудности, которые встречаются на пути строительства, и показывает, как надо с ними бороться. Пьеса оставляет бодрое впечатление и заражает зрителя энтузиазмом стройки.
Теперь по существу самой пьесы. Некоторые говорят зря, показывают в пьесе слабые стороны лирического Гая (ночная вылазка). По моему, тип директора строительства — казан правильно. Этот отрицательный штрих в быту Гая, ко-

УСИЛИТЬ ПОДГОТОВКУ
ВСЕСОЮЗНОГО С'ЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ

20 июня должен открыться первый всесоюзный съезд советских писателей. Впервые участвуют на съезде писатели Страны советов как члены единого союза, как работники одной организации. Съезд будет мощной демонстрацией творческого роста нашей литературы на основе постановления ЦК от 23 апреля, он подведет итоги литературного движения после создания единого союза советских писателей, он наметит новые перспективы развития литературы, даст новые творческие импульсы каждому писателю, стоящему на платформе советской власти и стремящемуся к активному участию в социалистическом строительстве. Съезд еще более крепко свяжет братские литературы Союза ССР, творческий опыт каждой из литератур будет обогащен коллективным опытом всей литературы Советского союза. Первый всесоюзный съезд советских писателей — всей силой поставит вопросы классовой борьбы в литературе, разоблачит маски буржуазной идеологии в литературе, еще теснее сплотит советских писателей вокруг рабочего класса и его партии — партии большевиков. Огромные задачи, стоящие перед съездом. Трудно переоценить все значение этого первого всесоюзного съезда советских писателей, собирающегося в первый год второй пятилетки и в условиях небывалого творческого подъема литературы и искусства. Исключительное значение съезда обязывает все литературные организации, в особенности оргкомитет ССП СССР, мобилизоваться для подготовки съезда по всем направлениям его работы. Подготовка съезда — проверка работоспособности оргкомитетов, проверка их умения руководить конкретно, работать по-новому.
Первые итоги показывают, что литературные организации еще плохо ведут работу по подготовке съезда, что не взяты нужные боевые темпы, что не используются все необходимые силы.
Первая и главная задача по подготовке съезда — это творческая дискуссия, творческое соревнование. Лозунг социалистического реализма, включающий, как часть, лозунг революционной романтики, до сих пор еще не развит конкретно на материале художественной ли-

тературы, он до сих пор еще не обогащен всем богатством творческого опыта советской литературы. Стиль социалистического реализма в драматургии, поэзии, прозе, очерке, новелле, романе, — вот что нужно поставить в центр дискуссии, вот чего ждет советский писатель от критики и от дискуссии в оргкомитетах. Но именно эта конкретная творческая сторона и остается зачастую в тени. Поверхностно охватывая множество литературных явлений, бросая «взгляд и нечто» на литературные процессы, некоторые докладчики на последних дискуссиях отбили у писателей охоту их слушать, и обсуждение проходило совсем не так, как следовало, не охватывая основных писательских кадров. В Ленинграде положение в смысле развертывания дискуссии значительно лучше, опыт ленинградского оргкомитета должен быть полностью учтен.
Связывая литературное дело с общественно-политическим, борясь с когдe просачивающимися элементами отрыва литературы от политических задач современности, вскрывая классовую враждебную настроению, срывая формалистические и иные маски, обеспечивая каждому советскому писателю все возможности для развития своих творческих установок, немедленно пресекая какие-бы то ни было попытки нетоварищеского тона по отношению к советским писателям, втягивая в дискуссии основные кадры художественного слова и, что крайне желательно, привлекая к обсуждению и смежные участки искусства, не забывая — а это происходит почти повсеместно, кроме Ленинграда, — о молодых писателях, оргкомитеты и, в частности оргкомитет ССП СССР, должны усилить развертывание творческого соревнования, чтобы притти к всесоюзному съезду с ясными творческими установками, с определенными творческими выводами. Месяц — это мало для тех, кто не умеет работать, но это — вполне достаточно для тех оргкомитетов, которые сумеют перестроить всю работу на боевой лад.

Основные вопросы съезда — это вопросы драматургии (помимо этого вопроса доклад оргкомитета). Это значит, что при развертывании творческого соревнования особенно

ПИСАТЕЛИ О ВЫСТУПЛЕНИИ Н. К. КРУПСКОЙ

С. Третьяков

Война с холостами!

Детская литература — один из отделов общей литературы, и над ней могут и должны работать все писатели. Не должно быть разницы между детским писателем и писателем для взрослых. Я никогда не задумываю книгу специально для детей или специально для взрослых. Что бы я ни писал, я ориентируюсь всегда на широкую читательскую массу, который представляет мне — примерно — четырнадцатилетним начитанным и бойким пионером. Это возраст величайшей активности.

Как часто у нас в детской литературе оседает продукция второго сорта. Большая ответственность, которую у нас критики, любящие ходить на литературные Эльбрусы, до сих пор игнорируют детскую литературу, превращая ее таким образом в своего рода задворки. И нужно всегда особо подчеркивать, что детская литература как один из труднейших видов требует к себе сугубого внимания.

Еще чрезвычайно важно научить детей читать по-настоящему. Мне приходилось встречаться с аудиториями школьников, критиковавших мои книги. Здесь я понял, во-первых, до какой степени общественно развитые и многостороннее сегодняшние подростки по сравнению с подростком, скажем, моего времени. Но в то же время стало ясно, что уйма критико-теоретической схоластики, навязываемой педагогами, подменяет правильное и свежее суждение ребят о литературном произведении. Здесь надо всецели критиковать выступление Н. К. Крупской, правильно обнародовавшей тех, кто, будучи сам формалистами, обвиняет в формализме других. Эта школьная схоластика вырабатывает очень часто холодно-ярмичное отношение к произведению, убывая способность у ребят самостоятельно мыслить и чувствовать.

Помня на своем собственном опыте, до какого отвращения к книжке может привести схоласт-педагог, я считаю, что требуется, подытая Надеждой Константиновной, больше чем своевременно.

А. Барто

Писатель — в школу!

Я работаю сейчас над новым для меня жанром детской литературы — над детским сатириком. Дети превлечены понимают сатиру.
Писатели для взрослых зря снисходительно относятся к детской литературе. Вряд ли талантливого детскому книжку легче написать, чем роман. Да и не всякому писателю дано написать хорошую детскую книжку. Тем же из писателей, кому дано, не хочется. Условия работы в детской литературе не стимулируют писателя. Детская литература не имеет никакого резонанса. За последние шесть лет, а детская советская литература существует всего лет десять, не было ни одной статьи о детской поэзии.
Больше четверти всех работ Белинского посвящено детской литературе того времени, а вот наши критики не понимают, какое огромное значение для воспитания детей имеет детская литература. Наша пресса, да и сама «Литературная газета», занимается этими вопросами несколько лихорадочно. Детские писатели не имеют трибуны для высказывания. Можно подумать, что творческие вопросы работы в детской литературе не относятся к литературе детской.
Статья Н. К. Крупской в последнем номере «Литературной газеты» говорит о большем внимании к вопросам дет-

Н. Огнев

Обращаюсь к критике

Я не работаю сейчас в детской литературе, так как пишу цикла повелений, рассчитанных на зрелого читателя. Это не значит, однако, что я исключил из своего творческого сознания молодежную тематику. Просто я работаю сейчас в другом плане. Связь с молодежной средой все же не порвана. Я прикреплен к одной из школ, где веду обследование методов преподавания художественной литературы. Статья Н. К. Крупской чрезвычайно своевременно и правильно ставит наболевшие вопросы. Не хочется словами отвечать на эту статью. Я следаю это через некоторое время, после того как вплотную ознакомлюсь с практическими условиями в школе, с которой я сейчас связан. Эту работу я взял на себя по поручению центрального бюро детской литературы при оргкомитете ССП. Наше бюро, кстати, работает очень слабо. Оно существует, правда, всего два месяца, но его не достает в том, что основной упор направлен на организационную работу. В смысле творческой помощи писателю работа бюро до сих пор почти не развернута.

Критика все еще постоянно мало внимания уделяет вопросам детской литературы. Об этом уже столько говорили, это так очевидно. Будем надеяться, что в критике произойдет, наконец, перелом в сторону внимания к детской литературе.

Рис. ЕВГЕНИЯ

собирают материалы об истории их школы. У нас нет ни одного произведения о школе периода первой пятилетки, и я рассчитываю на основании этих материалов написать книгу.

Л. Кассиль

Пойдем к детям

Писателю, который искренно хочет сочетать свою работу во «взрослой» литературе с полноценной и любовной работой над детской книжкой, часто приходится слышать от близких друзей и недалеких критиков такое: «Чего ты на мелкоту размениваешься? Смори, ты засиживаешься в детской литературе, отходишь от главного русла...»

Многие считают работу в детской литературе лишь, так сказать, предисторией в творческой биографии писателя, литературным девичеством, в котором боже упаси заснижаться... «Пора вам уходить из детской литературы», твердят они. И писатель вспоминает, что в же голоса на тот же мотивчик бьются три года назад: «Пора вам уходить из газет!»

Но робких все это отпугивает. Знаете, все-таки детский писатель — это звучит как-то не очень гордо. Может быть, и правда, выражение это не совсем удачное. Лучшее было бы назвать: писатель, пишущий для детей. Или только настоящий квалифицированный писатель, обладающий к тому же некоторыми педагогическими познаниями и специальными навыками, может создать что-нибудь путное для наших ребят. Особенного мастерства и творческого напряжения требует работа над книжкой для дошколят. Если во «взрослой» книге автора еще может выветриться интересный материал, то здесь на это уповать нечего. Безпрерывное творчество, овладение новыми и новыми приемами, безукоризненный вкус и большая внутренняя гармония — вот что обязан проявить писатель, если он хочет создать ценную детскую книжку. Работу в детской литературе нельзя «перерастать». До нее можно лишь добраться. Только болевшей писателем или поэтом может стать подлинным мастером детской книжки. Но для этого требуется дополнительная огромная и кропотливая работа. У нас же ровнешечко ничего не делается, что заинтересовать этой работой наших «взрослых» писателей и облегчить ее для тех, кто целиком посвятил себя детской литературе. Попрямеем критика упорно игнорирует этих «взрослых» писателей, готовых на любую литературную дискуссию и безразличных к цели, которую бируют воды в рот, как только дело касается литературы для ребят.

Эдуард Багрицкий*

А век поджидает на мостовой, Сосредоточен, как часовой. Иди — и не бойся с ним рядом встать.

Твое одиночество веку поддать. Отлипнешь — а вокруг враги; Руки прятанье — и нет друзей; Но если он скажет: «Солги», — солги.

Но если он скажет: «Убей», — убей. («Победители», «ТВС», стр. 33).

Отзовитесь, где вы, Веселые люди моих стихов? Прощедшие с боем леса и воды, Всем ливным подставившие лицо, Чекисты, механики, рыбагоды,¹ Взойдите на струганое крыльцо.

А мы постарели.— И пылью мира Покрывшись походные сапоги. Но все же, по-охотничьи, каждый зорек.

Ясна поседшая голова. И ветер просторна. И вестер дорог.

И дружба вступает в свои права. («Последняя ночь», «Человек предместья», стр. 27 и 28).

Механики, чексты, рыбагоды, Я ваш товарищ, мы одной породы,— Побоями нас нынчаца страна!

Эти неотступные слова, до того неотступные, что строчка одного стихотворения буквально повторяется в другом, кажутся напечатанными в бессонные ночи, в минуты самоуглубления. Считать ли эти мысли за слабость и инквизицию, видеть ли в них необычайное, ослепительное озарение сознания — дело миропонимания каждого человека; промелькнет ли это чувство на одну короткую секундочку или загорится на всю жизнь — дело темперамента. Но отрицать тождество чувства, выраженного Багрицким, с ощущением, свойственным человеку, пережившему эти годы, было бы явным недобросовестием.

Формулировка может быть разной, но суть та же самая. Может быть более ясная и рациональная, может быть более смутная и подсудная. Убедительность и неопровержимая искренность в стихах Багрицкого кроме их чисто поэтических достоинств (умение находить простые и значительные слова, доходчивые определения, волнующие и прямые ритмы) обусловлены тем, что убеждение и мышление у него переходят в эмоции и только тогда формируются произведения искусства. Казалось бы, самый естественный и законный, самый «естурный» род поэзии, — и между тем Багрицкий редко у кого встречается. У Багрицкого нет стихотворений, написанных ради стихов или ради виртуальности, — за каждый свой стих, за каждое слово он от-

* Автору этой статьи Михаилу Алексеевичу Кузьмину — поэту и беллетристу — сейчас 59 лет. В печати он выступил в 1905 г. Творчество свое, имеющее явные точки соприкосновения с главенствующей тогда дворянско-буржуазной школой символизма (изощренность, стилизаторство, «рафинированность» формы), он символизму противопоставлял. Отталкиваясь от упаднических, болезненных, мистических символизма, он противопоставлял ему платформу так называемого классицизма (ясность, радость, ясность, изложенную в журнале «Аполлон»). Он провозглашает искусство как веселое ремесло, требует занимательности, «обузавости» вместо психоанализа. В прозе и стихах он воспевает беспечность, радость, бездумное наслаждение. Наснащает свои произведения авантюризм похождениями лукавых любовников.

М. А. Кузьмин являлся одним из наиболее мастерских стилизаторов того времени.

¹ Подчеркнуто вслух мною. М. К.

вечает, и отвечает не дискуссией, а жизнью. Оттуда их убедительность, отсюда этот верный и живой запах времени. В данном случае запах революционного времени. И это относится (что всего важнее) не только к периоду гражданской войны.

Кого не привлекал романтизм и революционный подвиг гражданских войн? Написаны сотни стихотворений, поэм об этом времени, есть и хорошие, и средние, и превосходные, и халтурные, и беспомощные, и холодно-виртуозные. Но в их список никак не включились военные стихи Багрицкого, — до того они, оставаясь на высоких поэтических позициях, принадлежат к той же области области теплой человеческой жизни.

Природу он также горячо воспринимает не в плане пейзажном, а как теплую, уютную лабораторию творческих сил. Отсюда его влечение к какой-то биологии, доведенной до пределов, превышающих, кажется, масштабы этой науки. И опьяет в этой искренней вере в роль науки в устройстве мира увлеченная одна из важнейших нот настоящего периода действительности. На этом поприще он еще более не знает соперников не только как поэт, но просто явочным. Показательно в данном отношении стихотворение «Вестер, ветеринар» («Победители»). Но в этой космической и научно-строительной поэзии, где действительно как бы с громадными звездами надсаден смесем истекает земля, — вдруг советы этического свойства:

«Надрывайся! Работай! Ругайся с женой! Напивайся! Но только не измени...» («Победители», стр. 13).

И тут — что ни слово, то сомнение. И весь кусок кажется фальшивым именно с точки зрения нравственности. Я говорю не об общепринятой морали, а о каких-то этических взаимоотношениях, свойственных данному поэту, данному произведению. И слабое место в смысле морали несет ослабление поэтического.

Багрицкий в первой же книге своей «Юго-запад» завоевал себе право на «стеклянный дом поэта». С тех пор уже каждое движение поэтической мысли, каждое лирическое переживание, автобиографические признания — являются достоянием всей читающей публики. Лестное и стеснительное преимущество! Но молчаливое дарование этого права есть большое завоевание, редко достигаемое первой же книгой. Причины к такой удаче у Багрицкого было более чем достаточно. Уже упоминавшая выше убедительность, широкое дыхание, искренность, теплые краски и, конечно, эпически песенный романтизм «Юга про Опанаса» сразу пробил брешь и в читательском слухе и в стене, которая всегда до известной поры, до известной стадии признания, отделяет поэта от современника. «Юга про Опанаса», конечно, главный козырь в книге Багрицкого, центральная вещь, затмившая собою — не совсем справедливо — «Разговор с комсомолом» Н. Деметриева и «Папирольный коробок», находящиеся в той же книге. К природной теплоте Багрицкого присоединилась тут еще теплота и размытость степных вечеров и ночей.

Почему для большинства читателей имя Багрицкого связано с «Югой про Опанаса». Готовящаяся опера на ту же тему, вероятно, еще более укрепит эту иллюзию. Острыми из либретто, помещенные в печати, показывают, что в своем подходе к поэме, как к оперному материалу, Багрицкий еще более подчеркнул народный характер будущего спектакля. Нужно сказать, что автор не скрупулезен в либретто не жалел помещать

такие жемчужины песенного жанра, как песни караульных.

Да, пока что «Юга про Опанаса» плотно пристала к имени Багрицкого. В этой популярности есть безусловная заманчивость, но есть и очевидное неудобство. «Юга» на долгое время отодвигает внимание читателя от последующих произведений Багрицкого, не только заслуживающих подлиннейшего внимания, но во многих отношениях и стоящих выше знаменитой «Юги». Построение подобных рассуждений читателя очень простое. Да, Багрицкий пробил брешь, завоевал себе право на стеклянный дом, может писать о чем угодно. Как же он воспользовался этим правом? Он отхлестал. Выпустил две маленькие книжки (как сборники стихов) — «Юга» и «Победители», а остальные случаи и мелкие, как самоценные книги — недостаточно значительные, не покрывшие первой, вообще пользуется полным кредитом, но не старается его оправдать. И вот, так-то рассуждая, ослепленный, хотя бы и благосклонный к автору, читатель попадает в большую ошибку и, как говорится, садится в лужу.

И «Победители», и «Последняя ночь», конечно, огромные шаги вперед в творчестве Багрицкого по сравнению с «Юго-западом» и несомненно на небольшие свои размеры книжки — похвалены и еще не исследованного значения. Багрицкий вообще склонен к каждому стихотворению делать лирико-эпическую поэму, вернее, он поэзию не мыслит иначе как лирико-эпическую. Вскриятие некоего философа психологического комплекса. С течением времени он все более и более настаивает на этом отношении к поэзии, и «Победители» и «Последняя ночь» целиком наполнены образами таких многоплановых и многомерных поэм. Он освобождается от налета некоторой «богемности» и «декадентского брожения», который еще находился в первой его книге, стих его делается строже и полновеснее, изысканнее и острее. Таких вещей, как «Происхождение», «ТВС», «Последняя ночь», «Смерть пионерки», конечно, нет, да и не могло быть в «Юго-западе». Каждое такое стихотворение несет тяжесть многих толстых книг. И теперь как-то странно встречать в той же книге перевод «Веселых нищих». Баллада превосходная и переведена прекрасно, но ей не место рядом с задумчивейшими, глубокими и поражающими своей неожиданностью и свежестью открытиями самого Багрицкого. И эти небольшие поэмы — не кажется ли — более широкие, более углубленные, чем даже разливная «Юга про Опанаса».

Но мне хочется сделать несколько формальных придрок. Во-первых, при горячем стиле Багрицкого, не всегда приятно встречать уподобления отвлеченные, не несшие конкретной образности, а понятные только умозрительно, как, например:

«И пылью мира Покрывшись походные сапоги», («Человек предместья»).

«Кровь — постылая обуза Мужичкуму сыну», («Юга про Опанаса»).

«Встреча цветные дня...» («Последняя ночь»).

Это все отвлеченно и было бы уместно при другой поэтике, скажем — у Лермонтова («светлая скала — жемчужина страдания»), но при кровавом жаре Багрицкого они прикраиваются. Должен признаться, что приведенные примеры я с трудом отыскал среди всех трех книг Багрицкого. Это — первое.

Затем в книге «Победители», в «Сурпиге Сурпиг», мы читаем: «романс карпу», «ода», «стансы», «эпос». Хорошо еще, что нет «романса» в двадцать пять строк. И романс, и ода, и стансы имеют некоторые формальные требования, да-

же приблизительно не выполняемые автором. Названь же «эпос» и совсем непонятно. Слово термины «ода», «стансы» и т. п. самими звуками гипнотизировали поэта, независимо от их содержания, как на купчих Островского наводили панику слова «металл» и «жупел».

Затем совсем уже типографское замечание, относящееся не только к Багрицкому, но ко многим московским поэтам, которые печатают правильные стихи совершенно произвольной разбивкой. Так что на вид получается какой-то свободный стих, которого на самом деле нет. Говорят, что это делается в виде декламационных указаний исполнителю. Но, во-первых, это насильно над читателем, не обусловленное метрической структурой, а, во-вторых, исполнителю такой народ, что их не прошибешь никакими типографскими указаниями.

Это, конечно, последние пустяки, но хотелось бы, чтобы даже внешне никакое старомодное и провинциальное любительство не применялось к облику серьезного, живого поэта — Эдуарда Багрицкого.

ОТ РЕДАКЦИИ: Статья М. Кузьмина о Багрицком печатается нами как документ перестройки М. Кузьмина.

Считаем необходимым отметить, что в номере «Литгазеты» от 11 декабря 1932 года была напечатана статья Т. Трошенко о Багрицком, в основном выражающая точку зрения редакции.

Письма из Ленинграда

ПУТИ МОЛОДОЙ ПРОЗЫ

В Ленинграде только что закончилась дискуссия о молодой прозе. Она прошла при активном участии молодых писателей. И несмотря на существенные недочеты основного доклада Ю. Либединского, вызвавшего такую-то «разброда», результаты этой дискуссии представляются определенным интересом.

Об ошибках докладчика, давшего в условиях пресловутого регламента — обзор 20 новых книг, говорилось на совещании много. Но можно ограничиться приведенным самим докладчиком замечанием Н. Свирина, указавшего, что наша критика не всегда умеет еще пользоваться комплексом марксистской методологии. Это и сказалось в высказываниях Ю. Либединского, который, взяв единственным критерием для оценки каждой из 20 книг формулу Энгельса о типичных характерах в типичных обстоятельствах, пользовался ею абстрактно, не наполняя ее конкретно-историческим содержанием. Произведения молодых писателей разбиралась изолированно, вне историко-литературной перспективы.

Эти ошибки помешали наиболее полно разрешить задачу дискуссии — выявить все принципиально новые тенденции. Содокладчиками выступили И. Гринберг, Л. Лесочевский и Р. Мессер.

В прениях участвовали: Г. Гор, И. Мамин, А. Дмитриев, Д. Остров, Дышчин, П. Далецкий, А. Решетов, И. Вавин, Сапир (работая в группе «Резец»), О. Бергольц, И. Уксусов, В. Шошонов, Е. Соболевский, Е. Лаврентьев, Г. Фин, И. Нерушев, Б. Лаврентьев, В. Виноградов («Красный пулювец»), М. Слонимский, П. Капца, И. Дмитриченко, М. Чуманова, А. Гитон, Г. Куклин, Я. Соболев, Н. Свирина, В. Каверин, И. Мартынов, А. Чапыгин.

«Именно то, что необразованному человеку в художественном произведении кажется натурой, именно то и не натура (наружная), а человек (натура внутренняя)».

Этот доклад Гете. И хорошо сказал. Натурализм — это когда художник без всякого отбора передает двадцать пятая лапка сорочножничку равную теме большого общественно-го значения. Натурализм — это слепое копирование окружающего, простое поражение действительности. Реалист, правильно передавая действительность, «натурально», истинно ее воспроизводит, только тогда будет большим художником, когда в центре внимания поставит основное, главное, решающее.

В чем же дело? Почему мне вспомнились эти слова Гете? А вот почему.

Сотни полотен были собраны в музей, громясь одно на другое, обетая стены. Вряд ли кто-нибудь из товарищей, соревнующихся тупицами, пороками и враги мирно поклолись ярлом, не сражаясь красками, формами и темами. Но вот стали развертываться полотна — и это мимолетное спокойствие сразу нарушилось.

Из штабелей картин поднимались некоторые, ударяя в глаза линиями формалистическими вывертами (Филонов), поражающая своей безыскусностью и полной бессодержательностью (Древин, Удальцова), покалькая холодной изысканностью, за которой не было живого бегания нашей жизни (натур-морты Штернберга). Но не об этом будет речь. О другом. О так называемом натурализме. Мы шли, осматривая картины. Вот на полотне рассти-

лается прекрасный пейзаж, насыщенный солнцем и воздухом. Илучный ярлом молодой изобретник шепчет:

— Натурализм!
Сибирские партизаны вступают в отвопанный у белых город. На первом плане — крестьянин в полубоубке. Изобретник шепчет:
— Натурализм!
— Где?
— Полушубок.
— Почему?
— Видите, как он поделан под настоящий!

Идем дальше. И почти все картины, где действительность передается реалистически, вызвали у этого критика кислый шопот:
— Натурализм!

Откуда идет этот шопот нашей изобретники «натурализма»? Почему стремление художника правильно изобразить природу, общество, человека клеветаются этим презрительным клеймом? Почему формалистические выверты художников, усвоивших лишь искусство разлагающегося капитализма, выдают за настоящее мастерство? Поэтому-то и пришлось вспомнить слова Гете о «натуре», о которой у нас многие молодые художники склонны забывать. Был неслучайно случай. Пришел в мастерскую художник — очень неуемный, молодой художник явно не умеет рисовать человеческое тело. Спрашиваю:
— А вы сколько раз рисовали живую натуру?
— Что за казуистический вопрос! — ответил художник, так ничего и не сказав по существу.

Уже потом я узнал, что изображенные натуры преподавателями-

формалистами было отменено. Хорошо, что у них не учился Леонардо да Винчи. Плохо, что они у него не учились.

Всеволод Пудовкин показал свою новую картину «Дезертер». Есть замечательные сцены, которые могут многим научить писателя. Запомнилась: немецкая рабочая делегация приезжает к нам на перламутровый праздник, старая работница выходит на балкон Моссовета и потрясено говорит несколько слов. И все. Но смотреть эту сцену без волнения нельзя. Только большой художник может так много сказать немногими словами.

ГИХЛ принял к печати пьесу Ставского и Павлюченко «Разбег». Ну, и что же? — спросит наш читатель. Зачем об этом писать? Да, писать об этом нужно, ибо наши издательства, в частности ГИХЛ и «Советская литература», пьес для деревни почти не печатают. И выходят, что колхозники смотрят: «Теща в дом — все вверх дном», «Муж под кроватью», «Деньщик подвал».

Эти самые «деньщики» действительно «подводят» деревенский театр. Товарищи, Накорюков, Цыплин, Аркадьев! Что вы сделали, чтобы дать деревне высококачественный репертуар? Наши страницы лжи вас открыты, отчитаетесь перед миллионами строителей новой деревни.

ЛИТЕРАТОР

О новелле

О новелле нужно говорить не только потому, что эта малая форма прозы находилась до самого последнего времени «в загоне», и элементарное чувство справедливости побуждает выступить в ее защиту. Не только потому, что новелла — один из самых демократических жанров литературы, доходящий до миллионного читателя. О новелле хочется говорить потому, что многие задачи, стоящие перед советской литературой, рельефнее и убедительнее всего могут быть решены именно через посредство новеллы.

Новелла в загоне — это значит, что критика обходит ее молчанием, редакция относится к ней полуснисходительно и в лучшем случае равнодушно, а писатели предпочитают ей широкие полотна романов и повестей. Было бы, может быть, правильнее взять быка за рога и сразу повести речь о том, почему писатели отдают предпочтение «большим» формам, но искусство слишком велико, и я не могу отказать себе в удовольствии начать с критики.

Выступая критиков в печати, на дискуссиях и собраниях могут создать впечатление, что подлинная литература делается «большими» романами, а рассказ-новелла есть только побочный фактор, нечто вроде небезопасного, но не очень нужного дополнения к литературному ассортименту современности. по повсуду романов (даже явно плохих) спорят месяцами и годами, спорят до хрипоты и сердцебиения, спорят и снимают проблемы, но мне ни разу за последние годы не приходилось натолкнуться на серьезный критический разбор небольшой новеллы, которая по своим художественным достоинствам бесспорно выше многих романов, вокруг которых поднят был критический шум. Чем же это объясняется? Неужели только близорукость нашей критики, не умеющей оценить те или иные произведения? Причина, на мой взгляд, коренится глубже: в некорректности нашей критики. Слишком часто и много говорили у нас по поводу художественного произведения, забывая о

существо его. Мне и сейчас помнятся многочисленные статьи о «Брусках» Панферова, в которых критики пространно толковали о классовых борьбе в деревне, о линии партии в отношении бедняков и середняков, о роли деревенских комсомолец и пр. и пр. и при этом ни слова не упоминали о художественной ткани романа, о конкретном замысле писателя, о его специфическом творческом методе, о средствах, с помощью которых он воссоздает классовую борьбу, коммуниста, кулака.

Общие разглагольствования многих критиков — результат их неумения конкретно проанализировать произведение, их теоретической и художественной беспомощности. Понятно, почему из круга внимания критика выпала новелла: гораздо легче разглагольствовать «по поводу», когда под руками большая вещь, где имеется дюжина героев, завод, бме, партиячка, инженерство и пр., и гораздо труднее разглагольствовать в связи с новеллой, где обычно все скато сконцентрировано, заострено. Критика наша, обходя новеллу, действовала так не по причине близорукости, а из чувства осторожности и собственной безопасности, вывора линия наименьшего сопротивления.

Нечто весьма похожее происходило и с писателями: в глубине души он любил и ценил новеллу как замечательный жанр искусства, но относился к ней с большой опаской (речь идет преимущественно о молодом писателе).

Советская литература, несомненно, самая идейно-насыщенная и проблемная в мире — в том смысле, что она проинва в великими идеями эпохи и разрабатывает величайшие проблемы, которые принес в историю человечества последний его класс — пролетариат. Это не значит, что мы умеем уже ставить и решать эти проблемы правильно, но вся наша литература, все теее смыкающаяся с борьбой рабочего класса за социализм, все более осознающая себя как часть общепролетарского дела, не может не быть глубоко идейной и революционной, домающей старые подходы к

человеку и миру и создающей новые.

Каждый советский писатель, увлеченно относящийся к жизни и своему творчеству, не может не ощущать высокой проблемности нашей эпохи, не может не ощущать того, что эта проблемность эпохи находит свое выражение не только в таких исторических сдвигах, как пятилетка и ликвидация кулачества, но и в мелочах повседневности, в работе и быте, во всем, что его окружает. Это повышает в писателе чувство ответственности за свое творчество. Когда в его художественную лабораторию попадает какой-нибудь факт, человек, конфликт, образ, он пытается осмыслить его с той идейно-проблемной высотой, какую повелительно диктует нам эпоха. Удается ему это или нет — другой вопрос. Вот почему художник, сознающий свои задачи и свою ответственность перед рабочим классом, с большой осторож-

ностью и подчас даже опаской подходит к людям, вещам и явлениям, стремясь сказать о них ту художественную правду, которая нужна борющемуся пролетариату и вне которой нет подлинного искусства. Но ведь это очень трудное и сложное дело — литература, и еще более трудное, сложное и ответственное дело — советская литература, и когда писатель приступает к этому делу и ему нужно остановиться на том или ином жанре, он обязательно коснется на новеллу. Чутье подсказывает ему, что уложить многообразие фактов, мыслей и впечатлений в рамки новеллы очень трудно. Конечно, и роман трудно написать. Но здесь все же есть простор и какие-то протеренные тропинки, здесь есть возможность показать человека или явление с разных сторон, столкнув его с другими людьми и явлениями. Здесь — кажется писателю — можно избежать схематизма, повораивая художественный проектор в разные стороны, привлекая детали, играя на контрастах или параллелях. Общую композиционную рыхлость можно компенсировать яркими положениями, знанием деталей или неожиданностью сюжетной линии — так кажется писателю, особенно начинающему. Что из того, что одна

глава сера и непролазна? Ее искусство другая.

И еще воображения такого порядка, навеянные в свое время усердной рапповской критикой. В большом романе можно избежать «одноднородности» показа; а именно: выведя инженера-вредителя, противопоставить ему честного и преданного пролетариату спеца; показав несознательного рабочего, покрыть его дюжинной стугой сознательных; кроме того выстроить вокруг себя хосток из зарюка, Осоавиахима и прочих аксессуаров, чтобы никто не прорвался. Хоть и ненужны они совсем в романе, а все-таки как-то надежнее.

Другое дело — новелла, здесь очень не разгуляешься. Здесь трудно показать современность сквозь призму какой-то ее частицы, обычно небольшой, весьма ограниченной. Если замысел сюжетен, то сюжет должен быть очень четким, иначе рассказ распадается и теряет впечатляющую силу. Приходится быть очень скрупулезным в отношении деталей и работать над каждым словом, как работает Бабель. Нужно уметь несколькими штрихами воссоздать образ, уловить и передать своеобразные действия и речи. Нужно решить для себя важнейшие

вопросы о пропорции частей, о тонах и полутонах, о нарастании и снижении темпов рассказа. Я не хочу сказать, что эти вопросы не встанут перед писателем, работающим над большим полотном, но писателю (особенно молодому) кажется, что в романе ему легче будет преодолеть все эти трудности, чем в новелле.

Такова, на мой взгляд, основная причина того бесспорного факта, что новелла занимает в нашей прозе непропорционально малое место. Иногда меня обуревают статистический восторг, и я начинаю подсчитывать, сколько романов напечатано в наших толстых журналах за год и сколько рассказов, и тогда обнаруживается, что на десять романов приходится три рассказа. А если прибавить к этому, что только один журнал («Экспресс») делает кое-что для развития новеллы и что из еженедельников ревью может идти только об «Огоньке» и «Прожektorе», которые уделяют рассказу очень мало внимания, то картина получится далеко не утешительная.

А издательства? Подобно журналу они выбрасывают на рынок один роман за другим и считают, что пожертвовали многим, издав две-три книги рассказов, особенно если это небольшие рассказы. Помните, что это за литература! Какие-то рассказы в десять страничек, какие-то полуочерки, и кому же они меж собой не связаны, и невозможно определить, на какую они тему. То ли дело: роман о коллективизации в Сибири, роман о нефтяных промыслах, роман о местном транспорте! Какие актуальные, животрепещущие темы, а вы подсовываете рассказы...

И тогда приходится напомнить редактору обязанности вещи: что М. Горький, Л. Леонов, В. Иванов и другие начинали с маленьких рассказов, что в области новеллы не без успеха подвизались Мопсан, Дж. Лондон, О. Генри и Бабель, что подобно культуре романа существует и культура новеллы, что для Магистростроя литературы совсем не обязательна трехтомность (или вернее: не только трехтомность). После таких разговоров вряд ли у писателя может возникнуть сильное желание работать по линии новеллы.

И, тем не менее, несмотря на подчеркнутую молчалие критики и снисходительное равнодушие редак-

ций, новелла живет и прорывается в литературу. Ряд молодых писателей упорно работает над проблемой создания нового рассказа, отдавая себе ясный отчет в том, что малый жанр прозы более способен запечатлеть стремительность наших дней, чем стандартная форма многолистного романа. Ищут новых путей новеллы, работают над приближением рассказа к художественным очерком.

В ряду с этим новелла завоевывает себе место в романе, ломая его старые традиционные формы. «Пустыня» Павленко есть в сущности собрание новелл, порою скрепленных нитью сюжета, а порою существующих сами по себе (чуждая новелла о змее, новелла о венгерском коммунисте Вейсе). «Барикады» продолжают эту линию.

В интереснейшем и почему-то не отмеченном критикой романе Г. Шторма «Труды и дни Михайлы Ломоносова» прием этот обобщен до предела: расхождение между главными персонажами — новеллы — придают исторической картине большое своеобразие. Л. Никулин вкладывает новеллы — фрагменты — в ткань своих автобиографических романов. Это процесс сращивания двух жанров вполне закончен, он обогащает литературу и помогает создавать новые, более выразительные и гибкие формы повествования.

Но это все же недостаточное усиление. Нужно создать условия для расцвета новеллы, нужно культивировать этот литературный жанр так же, как культивируются другие, и нужно, чтобы на новеллу перестали смотреть как на жанр второстепенный, как на подверстку к «большим романам».

ОТ РЕДАКЦИИ. Помещая интересную и актуальную статью Т. Левмана, редакция отмечает, что автор не вскрывает основных причин недостатков развития новеллы в советской литературе. Дело не только в равнодушии журналистов. Нельзя в равной степени попытка противопоставить новеллу как жанр другим жанрам, которые будто бы менее способны запечатлеть стремительность наших дней. Мы еще вернемся к проблеме новеллы, стараясь использовать материал немногочисленных советских новеллистов и значительнейший материал «Правды» в этом направлении.

В майские дни Московского писателей организован в витринах универсиага Мосторга № 1 большую выставку фотосажей советских писателей. Плакат-фотосаж, исполненный художниками Хратковским и Л. Леонидовым, изображает шестидесять 80 советских писателей. На снимке (часы плаката) слева направо: К. Федин, А. Караваев, М. Слонимский, П. Низовой, Вера Инбер, М. Пришвин, А. Белый, А. Фадеев, А. Веселый, Л. Никулин, П. Павленко, Н. Тихонов, В. Иванов, А. Новиков-Прибой, Ф. Панферов, П. Романов, М. Шолохов, В. Ставский, Швецов, М. Зощенко, А. Замойский, А. Аро, А. Архангельский, В. Ардов, Е. Петров и И. Ильф.

В. Катаев. (Шарж)

ИЗГНАНИЕ МЕТАФОРЫ

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ЖУРНАЛ «КРАСНАЯ НОВЬ» № 4. СОДЕРЖАНИЕ: Ва. Бахметьев — Наступление (роман, продолжение), Б. Левин — Юноша (роман, продолжение), Ив. Катаев — Новый писатель (рассказ), Лиза Арагон — Коммунисты правы (главы из поэмы, перевод О. М. Брик), Михаил Голодный — Слово призрачных стихов (стихи), Евг. Габрилович — Прощание (рассказ), Евг. Долматовский — Метель (стихи), Б. Галин — Рассказ о мастере из биографии Г. Сергеева, мастера механического цеха ОТЗ, Виктор Гусев — Чуждая труба (стихи), Е. Строгова — Художник, Михаил Терещенко — Смерть Делегата (стихи), перевод Бор. Турганова, Александр Демидов — Шатер (рассказ), В. Державин — Дюймовочка и дети (стихи), Лейтенант Хьюэ — Стихи (перевод Юлиана Анисимова), Дмитрий А. Ковалев — Любовь (стихи), Бороздов — Тщеславие японских фанатов (рассказ), В. Яков — Маленькие рассказы, Владимир Кокин — Как Очу. Ерма Яковлев — Художественный Златоуст, Л. Левин — Путь настоящей борьбы (О творчестве Маяковского Шагинин), В. Перлов — Личность и социальное дело (О романе Федора Гладкова «Энергия»), Д. Маинин — Маршрут патаги Эрмана, С. Кирьянов — Иван Шухов, Л. Шейн — Стихи, Яр. Сметанин, Н. Рясневская — Подвиг капитана Арагонки, Б. Гроссман — Роман о победителях недр.

ОБОРОННАЯ КОМИССИЯ ОРГКОМИТЕТА ЗА РАБОТОЙ

Для ознакомления писателей с жизнью и бытом красноармейских и краснофлотских масс, с обстановкой и условиями их боевой учебы оборонная комиссия оргкомитета проводит подготовительную работу по мобилизации и подготовке писателей в лагерь на летний период. Изъявляя желание посещать 28 писателей, среди них — Э. Багрицкий, Вс. Вишневский, В. Гусев, И. Сельвинский, С. Левман, М. Светлов, А. Сурков, Б. Ланин, Ш. Соснани и др.

Литературные факты

Кто тормозит создание ИГВ? В этом году главная редакция «Истории гражданской войны» наметает по утверждению редакционной комиссии выпуск первого тома («Октябрь») и второго тома («Первые этапы гражданской войны»).

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

Ветотный, 11. Здесь — издательство «Московское Товарищество Писателей».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» (б. «ФЕДЕРАЦИЯ») ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ АЛЬМАНАХ «ГОД ШЕСТНАДЦАТЫЙ» под редакцией: М. Горького, Л. Авербаха, Е. Габриловича, В. Ермилова, В. Иванова, В. Кирпичникова, П. Павленко, Н. Тихонова и А. Фадеева. СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО НОМЕРА: М. Горький — Егор Булычев и др., Вс. Иванов — Мельник, М. Колпачников — Иван Владимирович, человек на уроне, К. Паустовский — Судьба Шарля Лосева, Э. Багрицкий — Дума про Опанаса Бор. Галин — Мечта, Я. Рыжиков — Похороны, В. Мазурин — Визу, Художник Палеха — своей работе (вступ. слово Е. Выхрева), М. Горький — О прозе, М. Горький — О пьесах, Л. Авербах — Литературные заметки, К. Зелинский — Лирическая трагедия, Д. Мирский — Джеймс Джойс, А. Сперанский — Об эксперименте и экспериментаторе, В. Масо, Н. Эрлман — Заседание о семье, В. Баграшовский — На заседании правления колхоза, А. Архангельский — Население Далекого Востока, Плоть, Молодцова, С. Швейков — Чем дружит критик, когда ему не спится, В. Масо, П. Эрлман — Закон тяготения. Альманах иллюстрирован снимками с работ палехских художников и карикатурами Куркмырикова.

ПРАВИЛА ПРИЕМА В КОМВУЗ ЖУРНАЛИСТИКИ ИМ. В. В. ВОРОВСКОГО

Коммунистический Ин-т Журналистики (КИЖ им. В. В. Воровского) в г. Ленинграде имеет своей целью подготовку редакторов районных и городских газет, а также работников среднего звена областных газет. Срок обучения на основном (газетном) отделении 3 года, на комсомольском, готовящем работников комсомольской печати, — два года. 1. Принимаются члены ВКП(б), удовлетворяющие след. условиям: 1) Партия не менее 4 лет. 2) Член партии, имеющий на месяц пятилетнего комсомольского стажа и обладающий при этом не менее, чем двухлетним опытом руководящей партийно-комсомольской газетной, советской и профессиональной работы, могут быть приняты в КИЖ с трехлетним партияным стажем. 3) Проводивший стаж в промышленных предприятиях, МТС, совхозах и колхозах — не менее 3-х лет. 4) Опыт в партийно-массовой работе и участие в той или другой форме в органах большевистской печати (райкор, селькор, работник редакции и т. д.). 5) Политическое образование в объеме совпартшколы II ст., общее образование в объеме семилетки. 6) Возраст для поступающих на основное отделение от 22 до 32 лет, на комсомольское — от 18 до 22 лет. 7) При наличии всех этих условий преимуществом при поступлении пользуются ударники — рабочие, колхозники, красные партизаны и красногвардейцы. 8) Кандидаты в КИЖ командировываются красными, областными комитетами ВКП(б), ЦК латкомпартий, райкомов комсомола. Принимаемые товарищи обеспечиваются объектами и стипендией в размере до 175 руб. Жилплощадь для семей студентов не предоставляется. Зам. зав. Культ-треном ЦК ВКП(б) СЕРГЕЕВ. Директор КИЖа ШАМЕС.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСК С 1 ИЮЛЯ НА СЕРИЮ БИОГРАФИИ

Журналистско-газетное объединение выпускает в 1933 году серию книг посвященных биографиям выдающихся исторических деятелей, работавших в области науки, техники, политики, литературы, искусства и в других отраслях культуры. Каждая биография будет изложена в живой увлекательной форме, снабжена иллюстрациями научного и исторического характера. Во втором полугодии 1933 года будут выданы биографии: Репина, Лермонтова, Гаврилова, Мольера, Свифта, Данте, К. Либкнехта, Магеллана, Бабафа и др. Ответственная редакция: тт. М. Горький, М. Е. Ковалев, А. И. Тихонов. Задача серии биографий состоит в том, чтобы познакомить советского читателя с теми фактическими и теоретическими данными из разных областей знания и практики, которые неразрывно связаны с работой и деятельностью того или иного исторического лица; — выявить под углом зрения марксистско-ленинской теории прогрессивную роль, набор, реакцию историческую роль научных, философских, эстетических, религиозных и других идеологических концепций, борющихся за господство в области культуры. Издание периодическое: по два отдельных выпуска в месяц, средний объем каждого выпуска около 160 страниц. Подписка цен: 6 мес. — 12 руб., 12 мес. — 22 руб. 60 к., 3 м. (6 кн.) — 6 руб. 30 к., 1 мес. (2 кн.) — 2 руб. 10 к. Подписка принимается повсеместно почтой. Заблаговременная подписка гарантирует лучшую доставку. ЖУРНАЛИСТско-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

Жизнь Замечательных Людей

Издаваемую при ближайшем участии М. Горького. 19 мая, в 17 ч., в оргкомитете ССП СССР (ул. Воровского, 50) состоится всеобщее совещание оборонных комиссий оргкомитетов советских писателей. На повестке: 1. Вступительное слово представителя ПУРКАА, 2. Доклад т. Субочко Л. М. «Задачи литературной работы в Красной армии». 20 мая, в 19 ч., в помещении оргкомитета ССП журнал «Октябрь» устраивает вечер встречи писателей «Октябрь» с библиотекарями Москвы. Вступительное слово Ф. Панферова. С открытками из серии произведений выступят тт. Безыменский, Жаров, Панферов, Ильенков, Огнев, Сурков, Исбах и др. 21 мая, в 20 ч., в помещении оргкомитета ССП состоится заключительный вечер дискуссии «Советская литература и Дос-Пассоса». Выступают тт. Л. Субочко, Авербах, Эйзенштейн, Третьяков, Перлов, С. Левман и др. Заключительное слово докладчиков тт. Лейтеса и Вс. Вишневского. Ответственный редактор С. ДИНАМОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журналистско-газетное объединение. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва в. Тверской б. 25, Дом Герцена, 3 этаж. Тел. 1-30-63.

Из литературного прошлого САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В ПОИСКАХ «СВОЕГО УГЛА» НЕОПУБЛИКОВАННОЕ В РУССКОЙ ПЕЧАТИ ПИСЬМО

Все сильнее и сильнее бушевавшая в России в 80-х годах прошлого века реакция порою повергала в уныние даже таких революционных демократов, как Салтыков-Щедрин, склонная их подчас к мечтаниям о том или ином иллюзорном «выходе» из все «усложняющихся» условий окружающей действительности. Ярким примером в этом отношении может послужить в авторе «Пошехонской старины» стремление «сидеть в сельском угодье». С этой целью Салтыков-Щедрин обратился с просьбой о помощи в подыскании какого-нибудь «имения» к Н. К. Михайловскому и московскому юристу Н. Орлову. Последний, присмотрев подходящий, по его мнению, усадьбу, поспешил сообщить об этом писателю. Затем Салтыков-Щедрин занялся сельскохозяйственной деятельностью не увенчалась успехом. Но сохранилось нижеприведенное ответное его письмо Орлову, в русской печати доселе не появлявшееся; вправданное в рамках выраженного щедринского стиля, оно заслуживает, представляется собой чрезвычайно характерный документ эпохи. «Начинаю свое письмо извинением. И так долго не отвечал вам потому, что не только я сам, но и вся моя семья переболела. Выхожу из того, что самый здоровый из всех. Власьево едва ли придется купить. На днях здесь были тверятины, которые знают это имение и весьма его не рекомендуют. Живя там, дачники в особенности жалуются на близость колодезника, которая делает из деревни угодок Москвы. А сверх того и следующее обстоятельство: имение совсем разорено. Купив его, т. е. заплатив деньги, придется года три сразу все покупать да покупать так, чтобы не расхотелось, тысяч до шести, полнее за собой еще крайне неприятные хлопоты. Для того чтобы купить, например 5-6 коров, придется перемереть, по малой мере, 100 штук и кончить все-таки тем, что попадутся коровы, к молоку равнодушные и целомудренные. Во Власьево даже курицы нет — все надо покупать, т. е. целые дни бегать. А у меня и людей, которые я мог бы довериться, нет; сам же я болен, и л и ничего в курицах не смыслю. Вообще я полагаю, что в ноябре неудобно искать и покупать имения, кроме заведомо известных. Впереди злая зима, которая потребует расходов по имению и во время которой невозможно ни к чему приступить, так что весной все-таки придется ехать на пустое место. Ну, конечно, хитры ста-...»